

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИИ: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Современные международные миграции рассматриваются как наиболее распространённая форма глобализации. Главные их причины – в асинхронности демографических и экономических процессов в разных частях планеты. Современные миграции обнаруживают интеграцию стран периферии в мировую экономику. Как и прежде, международные миграции ведут к выравниваю уровней экономического развития стран и регионов. Выделены особенности современных международных миграций.

Ключевые слова:

второй демографический переход, гастарбайтер, качественные изменения мирового населения, количественные изменения мирового населения, первый демографический переход, сегментация рынков труда, современные миграции.

Современные миграции беспрецедентны по масштабам, сегодня практически не осталось государств, не вовлеченных в эту наиболее распространённую форму глобализации. Одни являются преимущественно экспортерами людских ресурсов, другие – импортерами. Часть стран включена в разнонаправленные потоки, принимая и отправляя людей [11, с. 356, 360].

Современные международные миграции характеризуются рядом особенностей. Во-первых, изменилось направление основных потоков. Люди движутся из менее развитых экономик в более развитые. Прежде массовые миграции были в основном направлены в сторону менее развитых территорий.

Во-вторых, современные миграции не связаны ни с колонизацией, ни с завоеваниями. Это отличает их от крупных перемещений населения предшествующих эпох.

В-третьих, распалась прежняя синхронность технологического развития и демографических процессов, стимулирующих миграцию. Раньше технологически передовые страны имели и самый быстрый рост населения. Сегодня быстрый рост населения переживают технологически отстающие регионы.

В-четвертых, современные международные миграции представляют собой массовые межкультурные перемещения. Более ранние миграционные процессы, как правило, перераспределяли население в пределах одной культурной области. Нынешние миграции пересекают этнические и культурные границы, а часто – и границы религий. Так, впервые в истории «однородные группы мусульман проживают за пределами *дар ал-ислама...*» [3, с. 286]. При этом связь с отечеством, прежде утрачиваемая для мигрантов на дальних расстояниях, теперь не прерывается бла-

годаря современным коммуникациям и авиасообщениям [9, с. 304].

Наконец, большинство современных мигрантов не имеет цели сменить постоянное место жительства. Они вступают в миграционные процессы как временные трудовые мигранты. Будучи временными мигрантами, люди приспосабливаются под среду, созданную капиталистическими рынками и ставшую глобальной.

Ряд авторов полагает, что миграционные потоки движутся в основном из беднейших стран и регионов мира. Так, З. Бжезинский, объединяя демографические и миграционные процессы, рассматривает их как новые источники угроз глобальной стабильности. Он считает, что миграционное давление максимально из зоны наибольшего социального неблагополучия, где сосредоточены большая часть мирового населения и большая часть мировой бедности [1, с. 62]. Однако более пристальный анализ национального состава миграционных потоков и мест отправления мигрантов показывает, что беднейшие страны исключены как из развития, так и из миграций.

Современные международные миграции обнаруживают глубинные процессы интеграции стран периферии в расширяющуюся мировую экономику. Наиболее активными участниками миграций в качестве отправляющей стороны являются страны и регионы, переживающие период быстрых изменений в результате включения в глобальные торговые, производственные и информационные сети. Экономическая глобализация влечет за собой массовое вытеснение людей из привычного образа жизни и порождает мобильные группы населения. С другой стороны, включение в обширную сеть торгово-экономических отношений создает для наиболее активной и инициативной части

населения этих стран благоприятные возможности для достижения экономического благополучия. Так что современные международные миграции связаны не с отсутствием развития, а с развитием как таковым [4, с. 162].

Люди едут из обществ, переживающих распространившиеся на них капиталистические рыночные отношения и, как следствие, – период структурной трансформации. Ненадежность местных рынков, их слабая способность поглотить рабочую силу, вытесненную из нерыночных секторов, высокий риск безработицы вынуждают людей прибегать к «самострахованию». Оно достигается через распределение трудового потенциала семьи на разных рынках труда в географически разных регионах, в том числе и за рубежом. Таким образом, люди становятся мигрантами, чтобы решить экономические проблемы у себя дома [4, с. 171].

Но по мере обретения опыта жизни в обществах с развитой экономикой и высоким уровнем потребления мотивация временных мигрантов изменяется, и большинство из них остается в принявшей стране на неопределенно долгий срок. Со временем формируется собственная инфраструктура поддержки, и международная миграция обретает вид цепной реакции.

Для многих стран трудовые мигранты превратились в основную статью экспорта. Денежные переводы, отправляемые мигрантами на родину, помогают не только конкретным семьям, но и экономике отправляющих стран. Поток валюты от мигрантов в некризисные времена поддерживает курсы национальных валют. К примеру, в 2008 г. переводы таджикских трудовых мигрантов на родину составили более 2 млрд долл. США – это почти половина ВВП и два годовых бюджета страны [7, с. 32]. Африка ежегодно получает в виде переводов 40 млрд долл. США [6, с. 31]. По некоторым источникам, их объем превышает официальные потоки финансовой помощи, направляемой развивающимся странам [11, с.361].

Согласно синтетической теории современной миграции, причины современных миграционных процессов выходят за рамки диспропорций на рынке труда и дифференцированной заработной платы [18]. Специфические структурные факторы – свои для развивающихся стран и свои для развитых – порождают эмигрантов с одной стороны и создают спрос на иммигрантов с другой. Движущими силами современных международных миграций являются не только различия на уровне эко-

номического развития, но и демографические различия.

Способность стран-доноров отправить часть населения должна дополняться возможностью стран-акцепторов принять его и поглотить. Исторически значимые миграции совершаются популяциями, переживающими демографический подъем. Великое переселение народов, перекроившее в IV–VII вв. этническую карту Европы, было связано как с социально-экономическими трансформациями, так и с ростом населения. Рост населения стоял и за крестовыми походами. Это объединяет их с сегодняшним джихадом [10, с.330–331]. Во второй половине XIX – начале XX вв. обширные, но все еще слабо заселенные пространства других континентов поглотили избыток европейского населения.

Расширенное демографическое воспроизводство в бедных экономиках создает давление населения. В богатых странах модель воспроизводства, установившаяся с начала 70-х гг. XX в., не обеспечивает простого замещения. В результате и возникает та разность потенциалов, которая всегда являлась необходимой предпосылкой миграций.

Развитые страны вступили в демографический переход в конце XVIII в. К середине XX в. они в целом достигли состояния квази-равновесия, характеризующего переход к «сберегающему», или качественному воспроизводству населения. Излишки европейского населения, образовавшиеся в ходе опережающего снижения смертности, поглотили заокеанские территории, в особенности так называемые нео-Европы. К примеру, Британия между 1846 и 1924 гг. экспортировала около половины своего демографического прироста [4, с. 169]. Такая переброска части населения позволила одновременно снять напряжение на родине и сформировать людские ресурсы для быстрого развития зарубежных территорий.

В результате крупнейших в истории человечества миграций второй половины XIX – начала XX вв., вылившихся сначала в аграрную колонизацию, а затем – в форсированное индустриальное развитие, произошло не только демографическое, но и экономическое выравнивание уровней развития обширных регионов планеты. «Демографический захват» европейцами других континентов, подготовленный ненамеренным использованием ими «биологического оружия» против туземного населения и обусловленный незавершенным демографическим переходом на родине и более молодой возрастной структурой

миграционных потоков, явился предпосылкой подъема регионов умеренного климата в Северной и Южной Америке, Австралии, Океании и на южной оконечности Африки.

Развивающиеся страны отстали как минимум на полтора столетия. К этому времени в мире практически не осталось подходящих незаселенных или малолюдных территорий. В сочетании с другими факторами это определило центростремительный характер современных миграций. Кроме того, в развивающиеся страны был экспортирован контроль смертности [цит. по: 15, р. 220], а культурный фон существенно отличается от западного. Поэтому велика вероятность, что демографический переход здесь не получит полного завершения, и в ряде стран рождаемость будет превышать смертность.

В развивающихся странах демографический переход начался не только с отставанием, но и на фоне иной начальной численности. Так, численность населения стран современного Севера (Запада) в 1885 г. – начало демографического перехода – составляла примерно 300 млн человек. Население Юга в 1950 г. было примерно 1750 млн человек [цит. по: 5, с. 179]. В странах Севера естественный прирост в пиковый период не превышал 1%. Для многих стран Юга этот показатель в аналогичный период достигал 3,5% [5, с. 179].

Следствием разной начальной численности и разных темпов естественного прироста оказывается разная численность населения по окончании демографического перехода. В странах Севера оно стабилизировалось на уровне 1150–1200 млн чел. В странах Юга стабилизация, по прогнозам, произойдет к середине XXI в. на уровне около 10 300 млн чел. [цит. по: 5, с. 179]. При таком соотношении населения территория стран Севера должна выглядеть для населения стран Юга как малонаселенная.

Однако нынешняя «малонаселенность» развитых стран сочетается с высоким уровнем их экономического развития. Эта ситуация уникальна, и население стран Севера видит в иммигрантах угрозу не только своей цивилизационной и культурной идентичности, но и собственному благосостоянию. Тем не менее, развитые страны вынуждены принимать иммигрантов. Развитые страны переживают снижение рождаемости, продолжающееся последние сорок лет. В некоторых из этих стран коэффициент рождаемости составляет 1,2–1,8. К началу XXI в. в Европе не оставалось стран (кроме Турции) где рождае-

мость была бы выше уровня, обеспечивающего простое воспроизводство [5, с. 183]. Примерно с 1990 г. ряды убывающих популяций пополнили восточноевропейские и неевропейские государства, находящиеся на том же уровне развития цивилизации. Поскольку тенденция имеет устойчивый характер, речь может идти о «биологической маргинализации» и сокращении демографических ресурсов для потенциала развития цивилизации.

Нынешние демографические процессы, захлестнувшие развитые страны, беспрецедентны. Они получили название «второго демографического перехода» [2, с. 92]. Резкое снижение рождаемости происходит без снижения смертности, практически достигшей биологического минимума в ходе первого демографического перехода. Следствие – естественная убыль собственного населения, в среднесрочной перспективе это перекрывается более серьезной проблемой – старением. По прогнозам демографов, к середине XXI в. средний возраст населения Германии может составить 54 года, Японии – 56, а Италии – 58 лет. Если биотехнологии достигнут обещанных успехов в области геронтологии, то половину населения развитых стран к этому времени могут составить пенсионеры. Старение населения будет иметь серьезные социальные и экономические последствия [21]. К примеру, в Японии всего за одно поколение с конца XX в. число работающих на одного пенсионера может сократиться с четырех человек до двух [13, с. 93].

Изменение возрастной структуры населения развитых стран не является продолжением процесса, начавшегося в ходе первого демографического перехода. В первом случае переход к малодетности был связан с перемещением производственной деятельности за пределы семьи и с изменением роли ребенка в ходе более сложного и многостороннего процесса вызревания индивидуалистической западной культуры, сделавшей жизнь каждого человека самоценной и незаменимой. Дети из семейной рабочей силы и экономического императива превратились в средоточие жизни семьи. Снижение рождаемости позволило родителям «делать вложения» в своих детей.

Второе снижение рождаемости стало отражением того факта, что время «ребенка-короля» прошло. Ф. Арьес указывает, что наступление новой эпохи было связано со снижением роли ребенка в жизни семьи и с увеличением роли ее взрослых членов. Ребенок превратился в один из элементов,

помогающих «взрослым процветать как личностям» [14, с. 647].

Вторая волна снижения рождаемости была связана не только с сокращением роли ребенка в жизни взрослых. Она была подготовлена серьезными изменениями в структуре семьи. «Буржуазная» семья индустриального общества, обеспечивавшая простое воспроизводство и смену поколений, уступила место постиндустриальной «индивидуалистической» семье, обеспечивающей самореализацию и осуществление разнообразных – прежде всего карьерных – жизненных планов взрослых. А. Тоффлер еще в начале 70-х в русле общих социальных трансформаций прогнозировал смену стандартной нуклеарной модели многообразия брачных траекторий [8]. Очевидно, что большинство новых форм семейной жизни связано со снижением рождаемости и сокращением числа детей в среднестатистических семьях нового типа.

Развивающиеся страны, не завершившие первый демографический переход, переживают противоположные тенденции. В них происходит не только количественное увеличение населения, но и качественное изменение его структуры. Население Юга стремительно молодеет. Во многих мусульманских странах возрастная группа 15–24 лет в последние десятилетия XX в. составила 20% населения и более [10, с. 178–179].

Молодежь в странах Юга мобильна как социально, так и географически. При одних обстоятельствах из молодежной среды вербуются участники реформистских и протестных движений, при других – молодежь втягивается в миграционные потоки, формируя основную их массу. «Рост населения в мусульманских странах... обеспечивает людьми ряды фундаменталистов, террористов, повстанцев и мигрантов» [10, с. 151].

Асинхронность демографических процессов порождает количественные и качественные диспропорции в разных частях планеты. Доходы людей, численность населения и его возрастная структура очерчивают разделительную линию между Севером и Югом. Растущее население на Юге оказывает все большее давление на экономику своих стран. На Севере в результате сокращения и старения населения экономика ощущает нехватку людских ресурсов.

Избыток рабочей силы на периферии и ее дефицит в центре индустриальной Европы породили в 70-х гг. XX в. феномен гастарбайтерства [17, р. 116]. По времени он совпал с началом второго демографического перехода в странах Севера и пи-

ком первого демографического перехода во многих странах Юга. Поначалу маршруты определялись связями между недавними колониями и метрополиями. Позже гастарбайтеры расширили географию отправляющих и принимающих стран.

Сегментация рынков труда – еще один фактор, поддерживающий международную миграцию [21]. В постиндустриальных экономиках произошло разделение рынков рабочей силы. Местный рынок, особенно в мировых мегаполисах, испытывает не только сокращение собственной рабочей силы, но и ее концентрацию в высокооплачиваемых и престижных секторах экономики, выполняющих управленческие, административные и технические функции. Виды работ, не требующие высокой квалификации, и обслуживающие виды деятельности, оставаясь необходимыми для нормального функционирования экономики, оказываются оголены. Это рабочие места, связанные с тяжелым, грязным и/или опасным трудом или с монотонной деятельностью [19, р. 270]. На эти места привлекается иностранная рабочая сила.

Однако миграция людей из развивающихся экономик в развитые не эквивалентна глобализации рабочей силы [16, р. 234]. В ходе иммиграции происходит замещение нижних страт квалификационного перечня в развитых экономиках, тогда как глобализация рабочей силы предполагает свободное перемещение работников высокой квалификации. Такое горизонтальное движение, часто осуществляемое компаниями в рамках ротации кадров высшего звена, как и «утечка мозгов» из развивающихся и переходных экономик – хотя и важные в социальном отношении, – количественно не сопоставимы с массовыми потоками иммигрантов.

Мы полагаем, что массовые потоки иммигрантов являются типичными центростремительными миграциями, масштаб которых расширился до глобального. Движение людей с периферии в центр связано с замещением выбывающих групп. Прежде движущей силой миграций была эндемичная убыль в городах, сегодня – сокращение населения развитых стран из-за отрицательного естественного прироста и сегментация рынка. Международные замещающие миграции воспроизводятся и в мегаполисах менее развитых экономик. В результате «общества по всему миру становятся единообразно пестрыми» [12, с. 13].

Большинство оценок роли современных международных миграций основано на сопоставлении выгод и потерь для каж-

дой из сторон. Такая позиция оправдана, особенно при выработке текущей миграционной политики. Однако объективная оценка должна строиться на совершенно ином подходе: что дают миграции человечеству в целом.

Современные международные миграции, при всех их особенностях и неоднозначных оценках, выполняют прежнюю функцию демографического и экономического выравнивания. Перебрасывая часть населения из мест его высокой концентрации, они снижают давление на экономику развивающихся стран и перераспределяют людские ресурсы в большем соответствии с текущими экономическими возможностями регионов. Денежные переводы иммигрантов на родину являются там важным подспорьем.

Развитые страны, некогда экспортировавшие управление смертностью в бедные страны Юга, теперь импортируют оттуда

рабочую силу, запасы которой в странах Третьего мира неисчерпаемы. Желание развитых стран поддерживать экономическое развитие и их неспособность самостоятельно укомплектовать экономику людскими ресурсами делают иммигрантскую рабочую силу жизненно необходимой.

Мигранты, начиная свой путь в потоке временных трудовых перемещений, как и прежде, приспосабливаются под среду, но не ассимилируются. Нельзя сказать определенно, размывают ли мигранты принявшую их среду, или сама среда, некогда устойчивая и гомогенная, в ходе глобализации становится изменчивой, текучей, пестрой. Возможно, не желая ассимилироваться, иммигранты тем самым противостоят быстро меняющейся глобальной культуре, засавшей их. Мигрировав, они несут в себе покинутую родину, которая осталась прежней только в их привычках и воспоминаниях.

Список литературы:

- [1] Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
- [2] Каа ван де Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции: сб. ст. / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС Пресс, 2002. С. 90–96.
- [3] Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб.: Александрия, 2007. – 332 с.
- [4] Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции: сб. ст. / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 161–174.
- [5] Окольский М. Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии // Мир в зеркале международной миграции: сб. ст. / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 175–195.
- [6] Рагозин Л., Архипова И., Седаков П. Огонь, беда и первые трупы // Русский Newsweek. – 2009, № 12 (234). – С. 26–31.
- [7] Саркорова А., Рагозин Л., Седаков П. Трудности без перевода // Русский Newsweek. – 2009, № 12 (234). – С. 32–35.
- [8] Тоффлер А. Футурошок. СПб.: – Лань, 1997. – 464 с.
- [9] Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
- [10] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
- [11] Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Парратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура. – М.: Праксис, 2004. xxiii, [1], 575 с.
- [12] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ ; Ермак, 2004. – 88 с.
- [13] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: ООО «Издательство АСТ» ; ОАО «Люкс», 2004. – 349 с.
- [14] Aries Ph. Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West // Population and Development Review. – 1980, № 6 (4). – PP. 645–650.
- [15] Varash D.P. The Hare and the Tortoise: Culture, Biology and Human Nature. – New York: Penguin, 1987. – 351 p.
- [16] Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol.I : The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell Publishers Inc., 1997. – xviii, 556 p.
- [17] Gould W.T.S., Findlay A.M. (Eds.). Population Migration and the Changing World Order. – Chichester ; New York ; Brisbane ; Toronto ; Singapore : John Wiley & Sons, 1994. – 293 p.
- [18] Massey D.S., Arango J., Koucouci A., et al. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 362 p.
- [19] Marshall B. (Ed.). The Politics of Migration: A Survey. – London; New York: Routledge, 2006. – 300 p.
- [20] Nyce S.A., Schieber S. The Economic Implications of Aging Societies: The Cost of Living Happily Ever After. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 396 p.
- [21] Piore M.J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society. – New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 239 p.